

Нотт Алан Йарк

ЛУННЫЙ СВЕТО

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Нотт Йарк
ЛУННЫЙ СВЕТ

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Йарк Н. А.

Лунный свет / Н. А. Йарк — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Рич Тейлор никогда не хотел стать рок-звездой или полететь в космос. Наверное, он и сам не знал, чего хочет, а никто другой особо и не интересовался его желаниями. Лишь один человека принимает Рича таким, какой он есть - младший брат Итан. На похоронах бабушки Рич слышит голос, который за небольшую плату готов исправить все его проблемы. Голос преследует Рича во снах и в повседневной жизни, предлагая свои услуги. Единственное, что Рича удерживает – младший брат, который является для него лучом света. Но Итан подхватывает вирус Марбурга... и теперь нет такой цены, которую Рич не смог бы заплатить. Содержит нецензурную брань.

© Йарк Н. А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
Глава 1	8
Рич Тейлор	8
Итан Тейлор	11
Глава 2	15
Рич Тейлор	15
Итан Тейлор	17
Глава 3	20
Рич Тейлор	20
Итан Тейлор	28
Глава 4	31
Рич Тейлор	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Пролог

Серебро и Золото

Когда льёт дождь сильный человек может плакать, не боясь, что кто-то увидит его слёзы; он может забыть про всё что было вчера или же годы назад; испытывать облегчение и, одновременно, тяжесть на душе, проклиная себя или обращаясь к ушедшим. Мгновения эти принято называть похоронами. Один старик, его уже давно нет в живых, как-то сказал юноше: «Когда ты плачешь и идёт дождь, знай, ты плачешь не один. Небеса скорбят вместе с тобой». Эти слова по праву можно назвать искусством, потому что они наравне с пьесами Шекспира, картинами Донателло и даже с римским Колизеем (Хоть и не полностью, я бы сказал наполовину) добрались до нашего времени. Сегодня был именно такой день, когда все плакали, забывали о прошлом, проклинали себя.

Людей было немного, но они, подобно автомобилям в час пик, медленно и неспешно протягивались вслед за чёрным гробом. Мужчины всхлипывали и по непонятным для женщин причинам, отказывались от зонтов. Женщины же вели себя иначе: кому-то удавалось держать себя в руках и просто плакать, периодически протирая влажным платком веки, но были и те, кто визжал и вопил – этим они пытались обратить на себя внимание Бога, чтобы задать ему один единственный вопрос: «Зачем ты забрал столь хорошего человека?». А дети... они вообще не понимали, что происходит и просто шли вперёд, следуя за взрослыми и делая то, что им было велено родителями: «Поплачь по бабушке, сынок», – говорили те. Вот они и плакали. Однако просьбу выполняли не все.

Так, например, Рич Тейлор и его младший брат, Итан, шли позади, укрыв лица чёрным зонтом в форме гриба, который держал старший брат. Им было положено идти впереди, возле гроба, в качестве близких людей, но Рич не захотел. Он помнил, и помнил хорошо, тот день десять лет назад, когда ему довелось быть на похоронах впервые. Тогда слёзы брали вверх над ребёнком, и он плакал целый день, но... больше Риччи Тейлор никогда не плакал, ибо пообещал себе, что оставит эти мерзкие чувства в прошлом.

Пять лет назад, когда Итану исполнилось восемь, его друг Стиви Хойлер – мальчишка с фермерской семьи на Гонг-Зас-Стрит, задал вопрос. Услышать ответ было интересно не только Стиви Хойлеру, но и остальной ребятне, приглашённой на торжество. Разумеется, Риччи там тоже был. И он любил своего брата слишком сильно, чтобы сказать: «Не отвечай», – особенно, когда в глазах того виднелись блики нетерпения. Поэтому, когда Стив спросил:

– Итан, а Рич точно твой брат, а то вы такие разные? Я до сих пор не услышал от него ни слова, в то время, как ты за минуту сказал сто три. Я считал. – Рич промолчал, отведя взгляд на проезжающий за окном серебряный «Форд». В мыслях он, возможно, молился, дабы брат сменил тему или твёрдо ответил: «Конечно да, что за глупые вопросы!», – попросил больше не упоминать об этом.

Однако ответ Итана был далёк от желаемого старшим братом. Верней он пересказал слова-шутку родителей, немногим переделав те на свой лад:

– Мама и Папа всегда говорили, что мы с Риччи особенные братья... – сделал паузу, посмотрел на вентилятор неспешно крутящийся у потолка, положил в рот кусочек торта. – Мы как серебро и золото, – и прежде, чем Стив открыл рот, Итан дополнил. – Слово – серебро, молчанье – золото, – челюсти Стива клацнули и изобразив умное лицо он посмотрел на Ричча, продолжающего изучать серебряный «Форд», застрявший на болотистой улице по вине светофора.

С минуту все молчали, обдумывая сказанное, а потом Стив схватил Итана за голову и взъерошил ему волосы.

– То, что ты серебро мы уже давно поняли, – говорил он, растирая кулаком невероятно тонкие белоснежные волосы альбиноса. – Рот никогда не закрывается.

Рич отломил кусочек пирожного, аккуратно положил его в рот и прежде, чем взять салфетку, чтобы вытереть губу, услышал выпад Итана в сторону Стива.

– Рич всегда выполняет сказанное, и каждое из его слов на вес золота. Нет, целого золотого рудников!

Стоя под дождём и держа огромный серебряный крест с распятым Христом в одной руке и карманную библию в другой, священник отпевал умершую. Иногда он подносил тыльную сторону руки, в которой держал крест, к очкам и протирал их, после чего темп его чтения увеличивался, но вскоре постепенно падал, вплоть до следующего протирания.

«Семь раз протёр очки» – мысленно сказал Итан, когда воспевание закончилось. По-прежнему держа библию и серебряный крест, священник развёл руки и что-то сказал, но из-за громового скачка его никто не услышал. Отчего вопрос: «что он сказал?», – жвачкой вцепился в мысли Итана. С каждой минутой и каждым ответом-предположением, жвачка становилась жёстче, а челюсти, как это часто бывает после сотни (Может у кого больше) непрерывных жеваний онемевали, причиняя такую же тягучую, ослабляющую боль.

Итан повернул голову к Ричу, чтобы спросить у него, что сказал священник, но тот, не сводя глаз с мнимой точки вдали кладбища покачал головой. Значил ли его ответ: «Нет Итан, не знаю» или «Не сейчас, Итан», – он не узнал, ровно, как и о чём говорил священник.

Банальная мысль ребёнка о том, что взрослые знают всё, тихим свистом прошептала ему, что можно спросить у матери. Заворочав головой, он принялся выискивать высокую женщину, одетую в чёрное. Однако бэтманский комплект (Толи в шутку, толи в серьёз «Бэтманским комплектом» Итан называл любой чёрный костюм) был на всех, поэтому найти мать до конца церемонии Итану так и не удалось.

И пока Итан разминал шею, Рич продолжал смотреть на мнимую точку в конце кладбища. Курган, что занимал его треть, возвышался над двухметровым забором, как небоскрёб над жилыми квартирами; имея насыпь в десятки метров высотой, эта возвышенность пятном разрасталась в дальней части кладбища.

«Зачем этот курган вообще внесли в пределы кладбища, для увеличения общей территории? – спрашивал себя Рич. – Возможно. Тогда почему его не сравнивали с землёй при первой же возможности, Рич? – не сумев дать такой же скорый ответ, как на прошлый вопрос, он надкусил губу. – Тут что-то не так... что-то не так». И Рич, далеко не глупый парень, почуял неладное, причём почуял – в прямом смысле слова.

Со стороны кургана повеяло гниющей листвой, после дождевой влагой и чем-то... чем-то предостерегающим. Запах стал затхлым, сырым и слегка дурманящим, словно в усыпляющий газ добавили вонючие ароматизаторы воздуха. И когда громовой разряд с оглушающей силой пронзил уши стоящих на кладбище, голос шепнул в очередной раз «СЮДА».

Показалось... просто показалось... Так Риччи мог сказать, когда священник закрыл библию и развёл руки и гром пронзил небеса впервой. Но не сейчас. Тут или шизофрения, или...

– Пойдём Ричи, уже всё закончилось, – посмотрев на брата, Итан перевёл взгляд на курган, расплывающийся на фоне тёмно-синего неба. – Ты куда смотришь, на этот холм?

– Нет, – соврал Рич. Соврал впервые за долгие годы.

– Ну тогда пойдём, нам нужно идти, – предложил Итан. Ткнул брата в плечо и указал на толпу людей, уходящих с кладбища. – Пошли, я не хочу опоздать на обед.

Рич кивнул.

С трудом оторвав взгляд от кургана, а более того утолив в себе жажду подойти к нему, он последовал за ногами, торопливо уносящими его к выходу.

Дождь уже успел превратил твёрдую землю в кашу, способную стянуть расшнурованный кроссовок с восьмилетнего мальчишки или девчонки. С каждым шагом земля словно обгла-

дывала ботинки, озвучивая это мерзким, режущим уши чавканьем. Странно, по крайней мере для Ричча, но Итану удалось найти в этом забаву. Он переваливался с ноги на ногу точно медведь, издавая при этом звуки, напоминающие лопанье пузырей. В целом вёл себя не подобающе месту, в котором он находился. Однако его веселье и беззаботность закончились сильным испугом.

– Не вздумай! – взревел старческий голос, и Итан вздрогнул. Его взгляд испугано забегал из стороны в сторону, пока не остановился на бродяге.

В изорванной одежде измазанной грязью, как художника в краске, из-за угла стремительным шагом хромал старик. Один его глаз смотрел куда-то вдаль, а второй глядел точно на Итана... или на Рича. От него сильно несло алкоголем, и как у любого спившегося бездомного у него была неопрятная борода, напоминающая козлиную.

– П-простите, – запнувшись начал Итан, отступая на шаг. – Я не хотел делать ничего плохого.

– Что? – возмутился бродяга, подойдя чуть ближе. И тут, когда его здоровый глаз посмотрел на Итана, Рич понял, что «Не вздумай» – адресовалось именно ему. – Ты то тут причём, альбиносик? – на морщинистом лице мелькнула улыбка, но подобно вспышке молнии она тотчас исчезла.

– Ну я же вроде как... эм...

Взгляд бродяги вновь метнулся к Риччу. Он сделал два шага и теперь под зонтом стояли трое.

– Не вздумай! – повторил он. Вонь изо рта шла жуткая. Быть может на свалках и то приятнее запахи. – Ты слышишь меня, лисий хвост, а?

И тут Итан рассмеялся. Схватился за живот и согнувшись по полам начал смеяться. Риччи прекрасно понимал, что теперь ближайшие две недели, может больше, Итан будет называть его «Лисий хвост». Конечно собранные в конский хвостик волосы Риччи и раньше вызывали у Итана смех, но теперь же это не «Конский хвостик», а «ЛИСИЙ! Лисий хвост» и поэтому смеху будет больше, чем когда-либо ещё.

– Ты чего молчишь? – вновь спустя время спросил бродяга. – Думаешь это шутки?

– Нет, сэр.

Ответ, а точнее приставка «Сэр», удивил бродягу, и он пал в лёгкий ступор.

– Какой я тебе к чёртовой... – заговорил бродяга, но братьев уже и след простыл. – НЕ ВЗДУМАЙ! – выкрикнул изо всех сил старик им вдогонку.

Родители ждали возле машины, старенького «Форда Контура», купленного старшим Тейлором у приятеля по работе за полцены. И сказать, что они были рассержены – значит, ничего не сказать. Отец открыл заднюю дверцу «Контура», приглашая детей занять места, как Итан, словно вырвавшись из оков, впрыгнул в машину. Мельком взглянув на отца, Рич закрыл зонт и успел было пригнуться, дабы занять место рядом с братом, как зигзагообразная молния стрелой вонзилась в землю в нескольких метрах от автомобиля.

– О боже милостивый! – вскрикнула Кэтрин Тейлор.

И в тоже мгновенье громынуло так, словно атомная бомба приземлилась где-то неподалёку. Миссис Тейлор завизжала пуще прежнего. Но даже столь сильный визг не смог затмить злостный голос, прозвучавший со стороны кургана.

– Ты придёшь ко мне, Рич Тейлор... – вещал тот для старшего брата, как следом послышался жуткий смех, для остальных превратившийся в небесное громынание.

Часть первая

Глава 1

Рич Тейлор

Он сидел в конце класса, за партой возле окна. Погода на третий учебный день была ясной, не такой конечно, как на Гавайях, но всё же способной греть душу. Пожалуй, птица, с красной грудкой и чёрным опереньем думала также. Сидя на проводах, она очищала перья резко покачивая головой, а когда прилетели её сёстры-близняшки, то статуей застыла на месте. Однако Риччи смотрел в окно, чтобы остаться наедине с самим собой, а не ради красивой птички, которую можно увидеть в интернете. «Ты придёшь ко мне, Рич Тейлор» – Вспоминал он. Интерес и только двигали мыслями Рича, но никак не страх. Ему было неинтересно, когда он должен был вернуться на кладбище, кому принадлежал злоеющий голос, и даже почему именно он – Риччи Тейлор. «Из-за чего» – вот главный и, пожалуй, единственный вопрос, заевшийся в голове Риччи Тейлора. Он перебрасывал идеи тысячами, но каждая из них занимала трон верного ответа не более дня, после чего новая догадка, казалось более убедительная, занимало место предыдущей. Всё началось с банальной – «Разумеется приду. Все рано или поздно заканчивают на кладбище, под крышкой дубового гроба», – а сейчас, на данный момент мысль была более запутанной, – «Я должен прийти, чтобы закопать или откопать что-то».

Ручка, что Рич держал между костяшками среднего и указательного пальцев, опасно склонялось над партой, грозясь зацепить одной из сторон доску. Потом она легка в руку и большой палец с силой прижал её к двум вышеупомянутым (Среднему и указательному) и Рич продолжил писать. Восьмая колонка, с вопросом: «Опишите, каким способом можно добиться бессмертия. А если считаете это невозможным – обоснуйте», заполнилась Ричем, как всегда вкратце и как всегда правильно («Краткость – сестра таланта» – говорила Натали Буш, учительница Рича, просматривая любую из его работ). Встретившись с листком бумаги, шариковая ручка забегала, оставляя после себя широкие – но не расплывчатые, – и ровные, как от печатной машинки, буквы. Ответ Ричи, записанный в одно слово, более чем удовлетворит учителя на следующем занятии. «Поступками» – значился ответ под восьмой колонкой. Подтянув край листка, свободной от ручки рукой, он черкнул в верхнем правом углу: «Рич Джо Тейлор» и поставил подпись похожу на слившиеся буквы «VS».

И взгляд Риччи вновь устремился в окно.

Во второй части урока, в кабинет постучали. Все оторвались от работ, а кто-то от окна. Миссис Буш поспешно поднялась из-за стола и также, поспешно, направилась к двери. Не успела она взяться за ручку, как дверь открылась. В кабинет вошли, двое мужчин, в одном из которых Рич признал директора школы. Другим видимо был новенький Генри Баккенс, в начале урока про которого говорила миссис Буш. Мальчишка выглядел на лет двадцать, с заплывшим, как у алкоголика («Бродяги» – промелькнуло сравнение в голове Рича) лицом, и широким торсом. Одет он был вполне прилично, но как иначе? Ведь у парня, который употребляет наркотики не может не быть приличного гардероба. Ибо родители дают любые деньги для любимого сынули. Директор поспешно кивнул и удалился, совсем как полицейские – хотя, в каком-то смысле слова, директор тоже был властителем правопорядка, только в пределах школы, – приведший преступника в участок на допрос.

– Привет Генри, – улыбнувшись поприветствовала миссис Буш, но не получила взаимности.

– Здрасьте, – отозвал Генри.

И после столь короткого диалога, Рич отвернулся к окну. Для него было уже всё понятно: кто такой Баккенс, к какому типу людей его относят, а главное к кому типу он себя относит. И его ожидания оправдались, когда миссис Буш попросила Баккенса рассказать о себе. Она попросила его довольно милым голосом, но на лице, после «Здрасьте», образовалась лишь тень мрачной улыбки, совсем как у клоуна, нарисованного тёмными красками.

– Генри, расскажи не много о себе.

– Эт обязательно?

Старший класс, в котором учился Рич Тейлор мог и даже засмеялся бы со столь хамского поведения к учителю, если бы это не была миссис Буш. Этот преподаватель был слишком добр, знаете, как герои из книг способные изменить человека в лучшую сторону, так и миссис Буш всегда отвечала добром. Хотя порой ей это давалось с трудом.

– Нет Генри, не обязательно, – наконец, спустя полминуты ответила миссис Буш. – Однако я, как учитель хочу узнать тебя поближе.

Генри уже сделавший шаг, остановился. Обернулся и с лицом полным ярости, неуверенности и отвращения посмотрел на «объект раздражения». Та в ответ улыбнулась. Улыбка на злость – один из своеобразных приёмов в арсенале миссис Буш. Нет, всё же правильно будет сказать не «Улыбка на злость», а просто «Улыбка». Да, Рич выделил бы именно её.

Два года назад, когда Тейлоры переехали в штат Луизиану, Ричард вошёл в этот кабинет таким же новеньким, как Генри. Вот только вёл он себя скромно и тихо, так сказать чувствовал себя не в своей тарелки. Он, конечно, и сейчас практически ни с кем не разговаривает, но всё же, после общения с миссис Буш, чувства отверженности исчезли. Историю о себе Рич начал не о том, какой он или где жил, а со слов «У меня брат Итан Тейлор, он на четыре года младше меня и учиться в этой школе. Если хотите узнать больше, советую спросить у него. Парнишка альбинос и любит много потреться, так что найти его, вам не составит труда», – после чего Риччи закончил свой рассказ. Разумеется, он сделал нечто больше, чем просто представился (Ибо не сказал ни слова о себе). Рич Тейлор буквально ввёл своего брата в общество полное друзей, в то время, как сам погрузился в покой и одиночество, к которому ему было не привыкать.

– Ладно, – огрызнулся Генри, возвращаясь к доске. – Но я возьму стул, – предупредил он, уже хватаясь за спинку стула. Миссис Буш кивнула. Должно быть она понимала, что ввязываться в спор с таким типом, как Баккенс – лишь сделать хуже для себя. – Значит, родился я в богатой семье, в Майами. Мой отец... – начал он рассказ.

И после слов «Мой отец» Рич упустил смысл, отвернувшись к окну. Периодически краем уха он слышал что-то о том, как много девушек было у Генри, о его невероятном таланте и страсти к американскому футболу, и ещё о том, что он не прочь хорошо повеселиться, поэтому приглашает всех к нему домой сегодня вечером, разумеется кроме Миссис Буш, которую он прямо-таки выделил в своём рассказе. Сказать, что первое впечатление ошибочное – оказаться чертовски правым. И девяноста процентов класса, посчитали его крутым, весёлым (Несколько раз за его рассказ пролетали пошлые шутки) и тому подобным. Однако так ли это на самом деле? Им предстоит узнать и очень скоро.

Со столь громким финалом рассказа, который длился минут десять, Генри Баккенс отправился в конец класса и ввалился за парту позади Рича. Стул того пошатнулся, подняв планку со спокойствия до негодования. Но нитку обрезали ноги Баккенса, упёршиеся в ножки стула и вдавившие грудь Рича в парту. Обернувшись он увидел пару чёрных нацистских ботинок с огромной подошвой, поочерёдно барабанивших по серым ножкам стула. Грязь, непрерывно капающая на пол, как в протекающей трубе, вызывала негодование и отвращение ещё больше, чем мерзкое лицо Баккенса, а оно, чёрт подери, натягивало струны нерв своей самолюблённостью даже Ричу.

– Что-то не так, мистер Хвост? – спросил он, когда Риччи встретился с ним взглядом.

Ничего не ответив Рич пропихнул парту вперёд и, ухватившись за ножки стула, рывком пододвинулся к парте. Стук ботинок привлёк к себе всеобщее внимание класса, отчего Генри подумал (Хотя ему ещё рано думать), что подобным действием впереди сидящий мистер Хвост выставил его дураком. Для него это был удар ниже пояса. Повалившись на парту, он закинул руку на плечо виновника. С долей унынья Риччи посмотрел на его руку: длинные, хваткие пальцы, прекрасно подходили для его хобби – игры в американский футбол и ногти – они были идеально подстрижены, но под каждым из них была грязь.

– Повторюсь для тупых, мистер Хвостик, что-то не так?

Пожалуй, ответ, а точнее действие, Рича стало решающим, как в его собственной жизни, так и в жизни Генри. Не оборачиваясь, он схватил Генри за запястье и крепко сжал его, чуть подтягивая того к себе.

– Послушай, ковбой, – заговорил он тихо, однако рядом сидящие всё же могли услышать, – если ты ещё раз поставишь ноги на мой стул или схватишь меня за плечо, то «Что-то не так» будет с твоими ногами, – не услышав ответа, Рич сжал кисть сильнее, и из-под кожи вылезли толстые вены, напоминающие Пиявок-убийц из фильма ужасов конца шестидесятых. – Ты меня понял?

– Я же пошутил, чувак, пошутил, – Рич видел его улыбку в отражении стекла, но также фальшь и безысходность лжеца, загнанного в угол более сильным зверем. – Просто хотел узнать насколько ты крут. Теперь вижу, что крут и мы бы могли стать с тобой хорошими друзьями. Что скажешь? – он тараторил слишком быстро, с его-то дикцией, поэтому слова часто сливались, напоминая сбой в телевизорах с плохим сигналом.

– Пожалуй откажусь, – Рич отбросил руку, на которой уже успел появиться алый браслет в районе запястья.

Генри Баккенс был зол, но и в какой-то степени восхищён новым знакомством, причём второе преобладало над первым. Он попытался заговорить с шерифом, назвавшим его ковбоем, но громкий, как стук кастрюли ночью, звонок приглушил его вопрос. А потом миссис Буш попросила сдать работы, тем самым прервав очередную попытку завязать разговор. Он ещё трижды пытался заговорить с Ричем Тейлором в коридоре, раз двенадцать на следующих двух уроках и даже подловил его в туалете. Казалось, нить терпения Рича Тейлора будет не просто надорвана или разрезана, а разорвана к чёртовой матери, а потом сожжена, однако Генри плохо знал своего шерифа. Кстати о «Шерифе» – для Рича, этот день стал знаменательным, так как впервой ему приелась кличка, если конечно не считать «Лисий хвост» или «Конский Хвост» – как его называл Итан. А ведь спустя несколько дней, Рич задался вопросом, что бы было, не схвати он руку Генри Баккенса? Мистер Хвост – Рич Джо Тейлор? Нет уж, спасибо. Шериф Рич Джо Тейлор – ему казалось куда более привлекательным.

– Шериф, – кричал он, мчась по коридору. Столкнулся с восьмиклассницей – показала ему не красивой, – и он оттолкнул её в шкаф. Последовал сдавленный вопль. – Постой, шериф, – он был уже протянул руку, чтобы схватить Рича за плечо и обернуть к себе, но перед глазами пронеслась картина пятичасовой давности, и тут же отдернул. Обогнал его и стал перед ним. – Шериф, почему ты молчишь?

Рич Тейлор остановился. Метнул взгляд на Генри, через плечо посмотрел на восьмиклассницу, а потом вновь на Генри.

– Генри Баккенс, – заговорил Рич, – в этой школе есть альбинос...

– Хочешь его поколотить? – прервав предложил Генри. – Можно из него снеговика...

– Не смей, – не своим голосом зашипел Рич.

– Понял, шериф, – Генри закивал, так быстро, что можно было заработать сотрясение. – А что делать тогда с ним?

– Спросить у него обо мне.

Какое-то время Генри помялся, прикидывая у себя в голове, зачем ему это делать. А потом выдал самую глупую мысль, успевшую поселиться в голове.

– Он маг или типа колдун?

– Нет, – с усмешкой заметил Рич. – Он Итан Тейлор, типа мой младший брат и...

Итан Тейлор

– ... и мне очень жаль, миссис Тейлор, но вы же должны знать, насколько нестабильное здоровье у альбиносов, – говорил чернокожий. На его широком, как и он сам, лице виднелось искреннее сожаление. Он сожалел по большей части из-за того, что являлся другом Джо Тейлора и речь сейчас шла о его сыне.

– Это всё чушь, доктор Шоркс, – палец Кэтрин стремглав помчался вверх. – Мой сын, такой же обычный, как и все люди. И вы это знаете, а если...

– Речь не о вашем сыне, а о болезни, что он подхватил, – повторил начало разговора Чарльз Шоркс. Ему уже нередко приходилось повторять слова и, пожалуй, получай он с этого по баксу, то насобирает бы себе на хорошую машину. А если к этому всему прибавить наглые высказывания и порой, бывало, оскорбления, то можно было бы и жену порадовать каким-нибудь «Фордом фокусом». – Болезнь Марбурга, мисс Кэтрин, неизлечима.

– Но что-то же должно помочь!

– Ничего, – он покачал головой, сдвинув губы вправо, словно пытаясь сдуть крошки (Вируса Марбурга) со щеки. – Я бы мог забрать его в больницу, на инкубационный период, но...

– Но что?

– Но это ничего не изменит. На вашем месте, я бы забрал сына домой и провёл последние для него дни вместе с ним.

– Что значит последние? – спросила она, хоть и понимала. Однако, как и любой матери ей было недостаточно понимания, чтобы поверить в скорую смерть сына. Нет. Она бы никогда не поверила в это, если бы в один из грядущих дней не услышала тяжёлого сопения сына. – Мой мальчик, выкарабкается, доктор Шоркс!

Он понимающе кивнул.

– Кэтрин, как ваш друг, я соглашусь с вами, но как врач... – он вновь покачал головой, со съехавшими на правую сторону губами. – Мне очень... – и его прервала сильная, хлёсткая пощёчина. В какую-то долю секунды его лицо высказывало недоумение, озлобленность и шок, но после, со стуком двери, он пришёл в себя.

Миссис Тейлор быстрым шагом промчалась по коридору, схватила сына за руку и покинула клинику. Несколько раз Итан пытался заговорить с матерью, но слышал уже заученный ответ: «Дома поговорим, Итан». Они сели в «Контур» и поехали домой. Всю дорогу, Итан сидел, прижавшись к окну. Сперва лбу было холодно, потом больно от подпрыгиваний автомобиля на кочках, а после они выехали на шоссе и всё пришло в норму.

«Какой чудесный день» – Думал Итан проснувшись и ощутив сильную слабость. Конечно он не мог даже подумать, что у него «Болезнь Марбурга». Вместо этого он улыбался боли в лицо, как бы дразня её, и представлял, что подхватил простуду. Или грипп в крайнем случае. Но всё оказалось намного хуже.

Они свернули в небольшой проулок, и уже через несколько минут двигатель затих. Кругом была грязь, поэтому выбираться из машины следовало аккуратно, особенно миссис Тейлор. Обувь на высоком каблуке она носила всегда, но никогда не одевала чулки или носки, даже зимой или в крайние месяцы осени. А знаменитые луизианские дожди, способные не только вымыть землю, превратив её в манную кашу, но и поднять уровень воды во всём городе, оставляют недельные, порой месячные следы: грязь, слякоть, лужи и бывает даже вещи, вымытые течением на другой конец города. К счастью с последнего дождя прошла уже неделя, и он был

не таким уж сильным (Опять же по меркам Луизианы), чтобы сделать что-либо ещё, кроме как вымыть грязь и образовать по несколько десятков луж на каждой улице.

Итан приоткрыл дверь, посмотрел вниз и увидел лужу в несколько метров. Опёршись на порог «Контура», он выпрыгнул из машины. ШЛЁП. Ноги грязь всосала мгновенно, как лава (Любую вещь, но скажем...) небольшие камни на своём пути, и Итан ощутил резкую, тянущую боль в мышцах спины и пресса. Струны арфы, натянутые до предела – вот, как он описал эту боль, эту адскую боль, заставляющую тебя думать, что, выпрямившись, ты разорвёшь все мышцы к чертям.

– Итан, дорогой, что случилось? – перепуганная, с покрасневшим лицом, Кэтрин подбежала к сыну. Склонившись над ним, положила ему на плечо руку и посмотрела в его кристально синие, с фиолетовым оттенком, глаза. – Подняться сможешь?

Кэтрин Тейлор не была глупой матерью, задающей вопросы на подобие: «С тобой всё нормально?», «Так сильно болит?» и этим она нравилась не только мужу, но и всей семье. К тому же она никогда не плакала, на людях уж точно. Единожды, за четырнадцать лет Рич слышал, постанывания в её комнате, но не более.

Итан кивнул и стал выпрямляться. Струна натягивалась сильнее, но не рвалась, и боль росла вместе с ней до тех пор, пока мальчишка не стоял во весь рост.

– Кажись отпустило, – только и сказал он, как вновь согнулся пополам, схватился двумя руками за рот. Его рвало, рвало сильно. Жёлто-белая жидкость, напоминающая гной, струёй вырвалась изо рта. «Боже, Итан» – слышал он материнский голос. Желудок крутило, так сильно, словно в него запустили бешеных жуков, носящихся от угла к углу. Но в скором времени, рвота прошла. Пожалуй, боезапас из сэндвича с салат иссяк. – Всё нормально, – наконец сказал он.

Это может прозвучать странно, однако боль ушла вместе с переваренным сэндвичем.

– Мам, – позвал её Итан, когда она подсаживалась под плечо сына.

– Да?

– Что сказал доктор Шоркс?

Кэтрин поджала губы, и они слились с цветом лица. Они пошагали к дому и прежде, чем она ответила, Итан переспросил у неё, открывая дверь.

– Мам?

– Сказал у тебя Грипп, очень сильный Грипп.

– Но я сильнее, правда?

Губы непроизвольно выпрыгнули изо рта и потянулись к ушам. Она нагнулась, и принялась расшнуровывать белые кроссовки «Adidas» – довольно старые, чтобы показаться на футбольном поле без стыда.

– Ты сильнее всех, кого ты можешь представить, Итан Тейлор, – начала она. Длинные пальцы уже развязали бант на левом кроссовке и приступили к узлу на правом. – Бог отправил тебя на землю, очень особенным мальчиком...

– А Рич? – перебил он мать. – Он ведь тоже особенный. Учиться на отлично и всё умеет делать.

На мгновение, она застыла, как околдованная.

– Твой брат, не такой, как ты Итан, – вернувшись к развязыванию, сказала Кэтрин. Итан открыл было рот, чтобы напомнить матери, что он альбинос, но фраза это повторялась не один десяток раз, поэтому ответ прозвучал незамедлительно. – И дело не в том, что ты альбинос, Итан. Ты добрее его.

– Неправда! Рич самый добрый брат!

«Гитлер добрый, ведь он любит животных» – промелькнуло в голове Кэтрин, и та затрясла головой, прикрыв глаза. Сглотнула и посмотрела на сына.

– Да, наверное, ты прав, как брат... к тебе, он добрый, – она развязала узел и сняла Кроссовок.

– А к вам он не добрый?

– Подними ногу, – Итан повинился и мать сняла второй кроссовок. Приставив кроссовки друг к другу, она поставила их на полку рядом с остальной обувью. – Добрый, – согласилась она. А теперь пойдём наверх.

– Ладно, – протянул он угрюмо, надувая щёки.

Они шли медленно, в основном из-за Итана, который боялся, что струны адской арфы натянутся вновь.

Пол, выложенный из красного дерева, когда-то был из обычных досок, лакированных и покрашенных в тошнотворный, коричневый цвет, разрастался по всему первому этажу, за исключением кухни и ванны – там была плитка. Оленьи головы и чучела наполняли весь дом кроме комнаты Итана, который он до жути боялся. Ему кажется, что стеклянные глаза следят за ним, ждут пока он уснёт, чтобы потом набросится и съест бедного мальчишку, проявившего слабость перед сном. И после того, как он рассказал об этом матери, а та уже поговорила с мужем, Джо вынес чучело медведя (Свой главный трофей. Он считал, что делает сыну необычайно щедрый подарок, а оказалось наоборот) на чердак. Там же, на чердаке, вместе с трёхметровым медведем, он оставил «Винчестер». Ружьё 12 калибра оставалось заряженным, но никто кроме самого Джо об этом не знал. Конечно это риск и в первую очередь для детей, решивших поиграть в войнушку. Прознай об этом Кэтрин, и он поехал бы к матери, на недельку, так сказать погостить.

Подъём по ступенькам давался настолько трудно, что в голове Итана успела промелькнуть мысль: «А не прилечь ли мне в зале, на диване», но вспомнив про чучело волка, голову оленя, он засунул её в чёрный ящик и задвинул глубоко в подсознание. Наконец, поднявшись на все двадцать две ступеньки они с облегчением вздохнули.

– Мам, а где Дарвин?

Кот имеющий тайский окрас по кличке «Дарвин» был куплен у мальчишек три года назад. В тот день, шёл дождь (Впрочем, для Луизианы это не новость), а маленький котёнок сидел в картонной коробке из-под бананов с соответствующей этикеткой. Цена была копеечная, но Рич сторговался с ребятами на доллар и две пачки мятной жвачки. Кличка «Дарвин» подразумевалась Ричем, как эволюция» в чём-то, но он так и не узнал, что такого должен был сделать этот кот. Просто голос... внутренний голос прошептал ему: «Дарвин», – и он послушал его.

– Если не на улице, то я тебе его принесу, идёт? – подмигнув, она стукнула сына по носу.

– Спасибо мам, – Итан улыбнулся, и в улыбке его отразилась боль и благодарность.

Кэтрин улыбнулась и отворив дверь, пропустила сына вперёд.

На полках лежали старые игрушки, сильно ущемлённые книгами. Телевизор, с подключённым к нему видеопроектором, стоял в дальнем углу комнаты в окружении двух цветков. Чуть левей был стол, на котором была лампа и школьные принадлежности, аккуратно сложенные на краю. А прямо напротив стола стояли две кровати: одна Итана Тейлора, а вторая Дарвина – кошачья лежанка. Сейчас лежанка пустовала, но обычно Дарвин спит именно тут, редко у Рича и никогда – в ванне. Дружба с водой, у него так и не завязалась, а в ванне, три года назад его первый раз помыли и с того самого дня, он не заходит в неё (Конечно, если хозяева его сами туда не занесут). Но что более смешное, так это его выкрики «Мяу-мяу-мяу», когда он проходит мимо дьявольской двери.

Мисс Тейлор уложила сына, настоятельно приказала звать её, если что-либо случится, и пошла в кухню. Часом позже – Итан уже спал, – из кухни начинало веять ароматом индейки, печёной картошки и ... скумбрией или какой-то другой рыбой. Те полчаса, которые Итан пытался заснуть, он делал две вещи: ждал Дарвина, чтобы как можно сильнее прижать его

чёрную мордочку к себе и заснуть, и думал: «Как же хорошо болеть гриппом. В школу идти не нужно, лежишь себе в кровати, смотришь мультики и отдыхаешь». Вот только, может оно и к лучшему, но Итан так и не узнал, что болезнь Марбурга смертельно и жить ему осталось не более двух недель.

Глава 2

Рич Тейлор

Дверь дома открылась без пятнадцати пять, и слабый, тускнеющий с каждой минутой луч света прорвался в дом следом за Ричем Тейлором. Скинув ботинки и пальто, он прошёлся на кухню, откуда должен был направиться напрямиком в свою комнату, чтобы сделать домашнее задание. Нос его, слегка покрасневший, тотчас уловил запах индейки, а глаза – мать, открывающую духовку. Она чуть было не выронила птицу, когда, оборачиваясь увидела Рича, сидящего за столом, как призрака поджидающего часа расплаты.

– Боже, Рич, – переводя дыханье она поставила поднос с Индейкой в центр стола. Сняла перчатки и также поспешно, вытерла блестящие линии, идущие от глаз к подбородку. – Сколько раз я тебя просила стучаться или здороваться, как только тыходишь в дом?

– Не считал.

– Ладно, – Кэтрин отбросила эту тему, как сотни других ранее. Взяв из шкафа тарелку, вилку и ложку, она положила их напротив Рича, тот признательно кивнул, и направилась к холодильнику, возле которого стояла противень с картошкой. Достав скумбрию и салат – трудно это было назвать салатом: куски брокколи, наваленные друг на друга и перемешанные в сметане, – она отнесла их на стол, к Индейке. И возвращаясь за картошкой, посмотрела на часы, в форме совы. – Отец скоро придёт, поэтому кушай не спеша.

– Мне нужно делать уроки, – напомнил Рич. Отрезал ножку индейки и положил её к себе в тарелку, после чего разбавил её «Пародиям на салат», картошкой и кусочком рыбы.

– Это важно Рич, – Кэтрин пустила струю воды и принялась мыть посуду. Она делала это не спешно, что вызвало у Рича массу подозрения. – Разговор о твоём брате. И нам нужно поговорить всем вместе...

– Что сказал доктор? – прервал её Рич, хоть и делал подобное крайне редко. Не услышав ответа, он повторил. – Что сказал доктор, мама.

– Чарли сказал, что... – она откашлялась, склонилась над раковиной, якобы сполоснуть тарелку, но на самом деле вытереть слёзы. – Что у...

Протяжный «Мяу» раздался из коридора, следом за которым послышался стук двери и басистый голос Джо Тейлора:

– Милая, я дома.

«Вот, почему ты не делаешь, как твой отец, Рич?» – хотела она спросить, но не решилась. – Вот, отец уже пришёл, потерпи ещё пару минут, Рич. Уроки никуда не уйдут.

– Время идёт, мам, – повторил в тринадцатый раз за неделю Рич.

Дарвин вбежал в кухню лошадиной походкой, виляя бёдрами и крича: «Кушать, я хочу кушать. Дайте мне покушать», но все это слышали, как: «Мя-яу, мрмя-у, мяу». Он присел возле Кэтрин и начал орать, как ненормальный, повторяя всё те же «Мяу-мяу-мяу», а когда она кинула в миску «Дарвин» голову скумбрии, кот замолк. Его голова ходила вверх-вниз, изредка, когда ему требовалось оторвать неподдающийся кусок, он тряс ею влево-вправо.

Отец вошёл в комнату минутой спустя. Уж очень долго он снимает свои ботинки, чем-то схожие с ботинками Генри Баккенса, а после, ещё какое-то время, высматривает для них место на полке, словно это дорогой Феррари, требующий особого парковочного места.

– Привет милая, привет Рич, – его лицо, прямо-таки сияло улыбкой, чего нельзя было сказать про жену. Он подошёл к ней и чутка пригнувшись обнял, прислонился к щеке и поцеловал. И ту же секунду, уловил горький привкус... привкус слёз, как ему показалось, и он был

прав. Не прекращая объятий, он наклонился над её лицом и ласково взяв за подбородок спросил. – Что-то случилось, Кэт?

– Сядь за стол, – попросила она. – Нужно...

– Тсс, – прошипел он и прислонил палец к её мягким губам. – Я всё понял, не нужно слов.

И Джо Тейлор, уселся за стол, но прежде пожал руку сыну. Он понимал, что Рич не многословен и ему это нравилось. «Мужчина должен говорить поступками, а не языком» – твердил Джо, его отец Джо, дед, прадед и вообще всё поколение. Что же касается Рича, то он любил старшего сына больше, чем Итана, хоть и пытался себя убедить в обратном. У родителей не должно быть любимчиков – так говорят все, и Бог судья, если так не должно быть, – но они всегда были, будут и есть. Кого-то будут любить в меньшей степени, кого-то в большей. Мальчишка четырёх лет, поверьте, найдёт эту разницу в любви, ведь дети знают лучше, чем взрослые что такое любовь.

Взгляд Джо пробежался по столу: индейке, рыбе, картошке (Салат он пропустил) и ему захотелось встать из-за стола, чтобы взять тарелку, но Рич, словно прочитав мысли передвинул ему собственную посуду. Вилку, Рич, вытер салфеткой, а ту поспешно выбросил в урну, стоящую возле холодильника.

– Спасибо, – сказал он и наполнил тарелку, тем что ему приглянулось.

– Мам, – позвал её Рич и в четырнадцатый раз напомнил. – Время идёт.

– Знаю, – со злостью огрызнулась она. Бросила недомытую вилку в умывальник, и та с характерным звуком нырнула вниз, к другим невымытой посуде. Схватив полотенца, она вытерла руки, швырнула его на стопку вымытой посуды и уселась за стол, напротив мужчин. – Сегодня, Итану стало плохо, – проинформировала она Джо, который был ещё не в курсе. Муж лишь на секунду поднял глаза, а потом вернулся в тарелку. – Мы поехали к Чарли...

– И как старина Чарли? – прервал её Джо.

– ДЖО! – воскликнула она, не столько из-за того, что её постоянно все перебивают, сколько от возмущения. Их сыну плохо, а он волнуется о Чарли. – Твоему сыну плохо, а ты расспрашиваешь про долбанного нигера!

– Эй, Кэт успокойся, – настойчиво предложил Джо, которому Чарли был как брат и шутки о расизме он терпеть не мог также, как шутки о педиках, хотя таковым не являлся. – Расизм нам ни к чему.

– Ни к чему? – возмутилась она. Глаза, под тонкими бровями, округлились, ноздри расширились, а волосы, казалось наэлектризованные, слегка потянулись вверх, словно над головой был воздушный шар с положительным зарядом. – Твоему сыну... – она взяла себя в руки и ей удалось сказать шёпотом. – Осталось жить меньше месяца...

– Что? – мгновенно вырвалось у Рича. Он был шокирован, и шокирован куда больше, чем отец, на лице которого оставалось выражение оскорблённого человека. – Что сказал доктор?

– Чарли сказал, что у Итана «Болезнь Марбурга» ...

– Исключено, – заявил Рич. – Эта болезнь передаётся от мартышек... – и тут Рич вспомнил, что Итан просил у него пять баксов на поход в зоопарк. – Чёрт, – взревел он и с силой ударил по столу. – Он же обещал мне.

– Обещал? – в недоумении спросила мать. Она навалилась на стол и взяла сына за руку. – Риччи, ты что-то знаешь. Знаешь из-за чего Итан заразился? – он кивнул. – Расскажи, может если об этом узнает доктор...

– Ничего не изменится, – отрезал он и отдернул руку. Встал из-за стола и пошёл в коридор, а оттуда на второй этаж, в комнату брата.

– Итан спит, – крикнула ему вдогонку мать. Но ответа не прозвучала.

– Что ещё говорил Чарли? – поинтересовался Джо, наконец, включив в себе отца.

Рич поднимался по ступенькам, не стараясь идти тихо. В его голове, барабаном стучали слова Итана: «Я обещаю, что не буду гладить животных», – слова которые он нарушил.

Ярость переполняла брата, она перемешивалась с горестью ивиной, образуя худший коктейль из списка «Настроение на сегодня». Кулак его сжал перила, но тут же ослаб, потом опять сжался и вновь ослаб. Имел бы Рич суперсилу, на перилах остались бы следы от его пальцев, вьедавшихся в дерево, а быть может ещё на шее Итана... Нет, Рич слишком любит брата, чтобы причинить ему боль. Но Итан нарушил слово, слово данное старшему брату.

Замедлив шаг, Рич приоткрыл дверь. Заглянул в щель: Итан спал, уткнувшись носом в подушку с раскинутыми ногами и руками. Зайдя в комнату, он прикрыл дверь, тихо, чтобы брат не проснулся. Злость начала выветриваться, как зловоние в маленькой комнате, в которой наконец открыли окно.

Идя к постели, он задержался возле стола: взял тетрадь по математике, открыл и посмотрел задание на сегодня. «Господи Иисусе, Итан, я же показал тебе пример, как решать такие задания, на что ты кивнул, сказав, ясно» – Прошептал Рич, кладя тетрадь на место. Открывая тетрадь за тетрадь, он обнаруживал мелкие ошибки, которую могли снизить оценку с «Отлично», на «Очень хорошо», и добравшись до тетрадки с американским флагом «Английский язык и литература», открыл её. С тихим, но в тоже время громким шелестом из тетради вылетел листок бумаги (Половина листа «А4») и как опавший лист, покачиваясь на ветру из стороны в сторону, он упал на пол, буквально утонув в пушистом ковре. Отложив тетрадь, он поднял листок и перевернул.

«Рисунок к домашнему заданию: Сочинение на тему «Мои лучшие друзья и я», выполнил Итан Тейлор» – гласила надпись с сильно наклонным шрифтом, в верхнем левом углу. Практически, как на настоящей фотографии Итан нарисовал всю семью, даже Дарвина. Слева направо стояли: Мать, одетая в фартук склонив голову на плечо, обнимала одной рукой Рича, а другой мужа; Рич стоял почти-что боком, сложа руку на руку, позади болтался конский хвостик, а на лице мелькала искренняя, хоть едва заметная, улыбка; Закинув руки в боки и надув щёки, стоял Итан, чьи волосы были единственными не разукрашенными; Отец с ружьём на плече, в точности копировал мать, обнимая одной рукой Кэтрин, а другой Итана, ровные зубы выглядывали из-под широкой улыбки; а между Ричем и Итаном лежал Дарвин, закатавшись в клубок: он выглядывал, словно не понимая, что происходит.

«Ты прекрасный художник, Итан. – Заметил Рич, услышав собственный голос. – Но в следующий раз, постарайся не обозначать мою причёску стрелочкой с припиской: «Лисий Хвост»». Трижды сложив листок, тем самым поровняв его с размером зажигалки, он сунул рисунок во внутренний карман пиджака. Взяв тетрадь, в которой было написано сочинение к рисунку, он сел на стул, возле кровати. Раскрыв тетрадь, перекинул три страницы и начал читать.

«Своё сочинение о друзьях, я хочу начать с брата, который...»

Итан Тейлор

... сидел на стуле, когда Итан открыл глаза. Но сон о диком западе, где он был шерифом, не хотел отпускать его, как и Итан не хотел возвращаться в скучный мир. Во сне его все звали Рич шериф Тейлор, а он всем повторял, что его зовут Итан шериф Тейлор. За всё то время, пока длился сон, ему удалось поймать пятнадцать преступников, помочь двадцати людям и выпить две бутылки виски. Всё это казалось таким настоящим, что, увидев Рича, сидящем на стуле, он подумал, что заснул, а не проснулся.

Перевернувшись на бок, спиной к брату, он закрыл глаза и начал думать о вестерне, в надежде, что вернётся именно в тот сон и тогда уж: «Трепещите бандиты!». Все будут кричать ему «Хей-йо, Итан», «Наш шериф лучший», «Выпьем за Итана, лучшего шерифа на диком западе» и мысли об этом, вызывали улыбку. Он чувствовал, как его тело горит, но счёл это за побочный эффект виски, а не за температуру в 39 градусов.

– Можешь не притворяться, – услышал он голос Брата.

– Рич, я сплю, зайди потом, – ответил он усталым, сонным голосом человека, вздремнувшего впервые за три дня. – Сейчас я пытаюсь вернуться на дикий запад, где я был шерифом, ловил злодеев и пил виски. Ты чувствуешь, как тут жарко, нет? А всё потому, что ты не пил виски, а я пил. И должен сказать это чертовски вкусно.

– У тебя температура.

– Знаю, – согласился Итан, по-прежнему лежа к брату спиной, с закрытыми глазами, – но не ломай фантазию ребёнка. Просто дай мне поспать, Риччи, дай мне почувствовать себя шерифом, – он обнял подушку сильнее и улыбнулся. Однако улыбка стремительно исчезла.

– Ты нарушил слово, Итан, – спокойно сказал Рич, но в голосе его чувствовалось недовольство и... ярость? Нет, просто злба. – Ты гладил животных.

– Ну и что с того? – Итан улягся на спину и повернул голову к брату. – Ничего не случилось: пальцы не откусили, руки не оторвали и ничем не заразился. Разве что «Грипп» подхватил.

– «Грипп»? – с недоумением переспросил Рич.

– Сильный «Грипп», но я сильнее.

– Это не... – Рич запнулся. Глаза его расширились, как новогодние шары, а грудь вздымалась вверх-вниз, вверх-вниз, словно откачивающий насос. Дыхание стало сиплым и частым, как после километровой дистанции – и Итан его слышал.

– Брат, ты пугаешь меня, – сказал он и набросил одеяло повыше, закрыв им рот и кончик носа. – Извини, что послушался, но не мог бы ты прекратить. Мне страшно, очень страшно. Честно.

Неожиданно Рич встал и пошёл к двери.

– Думай, в следующий раз, что ты делаешь, – сказал он и закрыл дверь.

«Думай в следующий раз, что ты делаешь, – повторял Итан, корча рожицы. – Обезьянку я хотел погладить». Перекатившись на живот, он закрыл глаза и мыслями начал возвращаться на дикий запад. Он вспоминал водяную вышку, стоящую позади здания банка; вспомнил салун, возле которого толпились двое рабочих и длинную улицу, по которой пролетал куст, в форме шарика; вспомнил трёх лошадей, уздечками привязанных к длинной палке, по виду напоминающую перекладину. И он заснул, спустя время, полностью уверенным, что перенесётся в вестерн.

Однако очутился в джунглях. Рядом с ним были трое путников, все в костюмах сафари с ружьём на перевес. Они пробирались сквозь заросли, местами густые настолько, что приходилось резать мачете. Итан не знал, куда они идут и зачем, а когда спрашивал, то слышал лишь птичий клёкот. Ему это не нравилось и спина его чувствовала опасность, а какая-то часть шептала: «За нами следят, следят сотни глаз. Но ты не оборачивайся, не провоцируй». Сердце бешено колотилось и не только во сне, но и в жизни. И всё же он не останавливался, шёл дальше, фарширую лианы, как шведский сыр раскалённым ножом. И вот они вышли к пирамиде, поросшей мхом, лианами и прочей зеленью. Кто-то постучал Итана по плечу, говоря, что не стоит останавливаться, и они продолжали двигаться к пирамиде. Всё это не только не нравилось и настораживало, но и пугало. Клёкот птиц сменился до боли знакомыми вскрикиваниями животных. Однако вспомнить кому они принадлежат Итан не мог. Понял, а точнее увидел животных, издающих эти звуки позже, к концу сна, а сейчас четверо исследователей вошли в пирамиду. Факелы, лежащие в портфелях, так и остались там из-за ненадобности. Внутри было настолько ярко, что солнечный свет был не нужен. Кристаллы, золото, серебро, алмазы, бриллианты – всё это находилось внутри, вгрызалось в стены и потолок.

Больше всего Итана привлек большой... нет, ОГРОМНЫЙ горилл сделанный целиком из золота и с метровыми красными сапфирами вместо глаз. Он смотрел на Гориллу, а остальные помчались вниз, высунув из рюкзаков кирки и что-то крича о богатстве. И продолжая смотреть

на статую, Итан смог соединить её облик с криками животных. В ужасе обернувшись, он увидел деревья, ветки которых были сверху до низу заполнены разгневанными мартышками. Все они скалили зубы, злостно кричали и били лапами по веткам. Это была не просто стая разгневанных мартышек – это была армия, взбешённых мартышек, собранных со всех джунглей

Спрыгнув с деревьев, они превратились в светло-коричневым цунами, что спустя секунды нахлынуло на пирамиду. Итан попятился назад, но зацепившись за брошенный рюкзак повалился вниз. Режущий уши крик десятков тысяч приматов смешался в один ужасный звук, заставивший его зажать уши. Он зажмурил глаза и раскрыл их, в надежде проснуться, но вместо этого увидел оскаленные, как у тигра зубы, вонзившиеся ему в глотку.

Проснулся Итан в холодном поту, с головной болью и сильным, как от адреналина, сердцебиением. Одеяло под ним стало липким, холодным и одновременно мокрым, напоминая слизь. Итан попытался скинуть его резким движением, но стоило ему согнуться, как он зацепился за крючок. «Струны Арфы» натянулись, и он с жуткой болью, чуть ли не крича рухнул на подушку. «Грипп? – вспоминал он возмущения брата и свой ответ. – Сильный Грипп, но я сильнее». Слеза скатилась с его лица, потом другая, а потом он заплакал. Эти мерзкие, делающие тебя слабей, слёзы лились друг за другом, а одеяло, такое же мерзкое и холодно, окутывало его в свои объятия. «Объятия смерти» – подумал Итан и удивился своей же мысли. Но он был чертовски прав, хоть и не понимал, что жизнь укоротилась ещё на несколько дней.

Глава 3

Рич Тейлор

Прошла неделя. Очередной луизианский дожди начался день назад и длился до сих пор. Синоптики, высказывали недоумения, извиняясь за столь непредвиденную погоду («Когда ты плачешь и идёт дождь, знай, ты плачешь не один. Небеса скорбят вместе с тобой»).

Итан совсем ослаб. Он не мог встать с постели, отказывался от мультфильмов, говоря, что от них начинает болеть голова, и больше не мог есть без помощи мамы или Рича (Отец весь день был на работе, а когда приходил, то ужинал, а после уходил спать). Но было ещё кое-что, кое-что более важное, то что беспокоило Риччи Тейлора, значительно больше, чем отец, не проявляющий заботы к больному сыну. Голос, тот самый что говорил с ним на кладбище. Рич услышал его в комнате Итана: «Ты придёшь ко мне Рич Тейлор...», – и не на шутку перепугался. Но сейчас, сидя возле окна и смотря на плавно стекающие капли, оставляющие после себя кривые хвосты на стекле, он услышал голос вновь и говорил тот как нельзя прямо:

«Ты придёшь ко мне Рич Тейлор, и я помогу тебя, – на секунду, Рич подумал, что сейчас последует жуткий смех, что он слышал на кладбище, но того не прозвучало. Голос продолжил. – Помогу с твоей бедой, ты только приди»

«Куда?» – спросил Рич, сконцентрировавшись на разговоре и, невероятно, услышал ответ.

«На кладбище, а там следуй за огоньками, они приведут тебя ко мне. И тогда я помогу тебе и тому, кому ты хочешь помочь».

На миг сердце Рича остановилось, а мозг потребовал больше кислорода. Слишком сильно возбуждись от услышанного, успевшего задурманить разум, он не услышал столь гнусный смех, сводящего с ума безумием и грубостью. Он переспрашивал себе, всё больше напоминающая параноика, сказал ли голос, что поможет Итану или нет. Возбуждение, перемешивалось со страхом и, словно всплеск закиси азота, образовывало адреналин, щекочущий все слабые точки. Чувства эти, постепенно отключали мозг, но резервный источник, называемый подсознанием, сработал, когда мать, стоящая на кухне, спросила:

– Рич ты куда?

Словно проснувшись от ужасного сна (как Итан неделю назад), Рич стоял возле входной двери, держась за ручку. Рука его отскочила, ужас мурашками прошёл по коже и тело пустилось в дрожь. «Как? Как я тут оказался? – спрашивал он себя, всё больше погружаясь в ужас. – Неужели я шёл на кладбище?».

– Дорогой, ты меня слышишь? – переспросила Мать. – Куда ты идёшь?

– В куртке забыл счастливую ручку, – без труда соврал он.

– У тебя разве такая есть?

– Да.

– Ладно, – бросила мать. – Я думала, что ты не веришь в удачу.

Ничего не ответив, Рич вернулся тем же маршрутом, что и спустился. Ноги трясло, как при лихорадке, совсем, как его младшего брата последние три дня. Капельки пота, собравшиеся в ямочках висков и в верхней части лба, под волосами, уже успели остыть.

Страх? Да, Рич, ты испытываешь страх и только его. Но страх твой разделяется, как главная дорога на перекрёстке. Одна мысль долбит тебе, что всё это из-за амнезии, которая якобы только что появилась, а вторая – внушает, что виной всему голос. Однако на самом деле, ты просто боишься поверить, боишься ошибиться в сделанном выборе, если пойдёшь на кладбище. И тебя поймут такие же как ты, шизофреники. Именно таким себя посчитал Рич Тейлор.

Немного оклемавшись, он схватился за ручку двери своей спальни, как услышал протяжный стон. Рич застыл, но после очередного постанывания, обернулся и заглянул в комнату брата.

Итан, как прежде (Крайние десять дней) лежал на кровати: глаза его кристально синие с фиолетовым оттенком были закрыты, грудь вздымалась и опускалась, как пружина под прессом, а одеяло, накинутое поверх него, было уже третьим и впитало в себя пинты пота. «Это всего лишь Грипп, Ричи. Всего лишь сильный Грипп, но я сильнее». Его рука сжала ручку двери и на кончиках пальцев, выступили белые полумесяцы на розовом небе ногтей. Перед глазами пробежали картины: Итан и Рич играют в песочнице – строят город; они спускаются с Джейсон-стрит на новеньких велосипедах, Рич на красном с багажником, Итан на синем с ленточками на руле; Рич бросает клубок с нитками Дарвину, а тот катает его по полу, а Итан найдя в ящике из-под игрушек лазерную указку, забирает внимание животного на себя; очередной план Итана под названием «Рич делает мои задания» сработал на ура, и сейчас он сидел за столом и смотрит, как брат решает физику.

Тело Рича пронзила дрожь и голос вновь позвал его: «Ты придёшь ко мне за помощью, Рич Тейлор». Втянув губу, сжал челюсти. Голос исчез. Тёплая кровь потекла из уголков рта и едва заметно окрасила клыки. Ноги онемели и потянули Рича вниз, хоть он и понимал, что виной тому чувство накатывающей пустоты. Он лишится того, кого так сильно любил и оберегал. Ни мать, ни отец, никто из них не будет испытывать чувства сильнее, чем брат. Конечно люди могут говорить обратное, даже настаивать и убеждать вас в этом... Но это не так... «Симпатия зарождается от красоты, любовь же от души», – сказал неизвестный, но мудрый человек. А потом эти слова переделал мальчишка, от которого отказалась семья. Этот мальчишка встал на ноги, благодаря друзьям, которые, как и он выросли на улице. Сейчас он владеет тремя компаниями по ловле и продаже креветок, совсем как Форрест Гамп, а имя его Фульвин Рич. На одном интервью у него спросили: «Ваша мать, наверное, гордится вами», на что он ответил: «Сомневаюсь, что та женщина могла бы гордиться мной, но семья – без всякого сомнения». Какое-то время репортёр молчал, а потом задал ещё один вопрос: «Противоречите сами себе, мистер Рич. Вы же сказали, что не считаете мать и отца своей семьёй», на что Фульвин засмеялся и успокоившись сказал: «Семья – это приобретаемые люди, по долгому жизненному пути, а не дающиеся тебе Богом при рождении».

Рич постарался закрыть дверь также тихо, как и открыл, но услышал Итана.

– Брат.

– Что такое? – спросил он и заглянул в комнату.

Ответа не прозвучало. Итан спал, тяжело дыша, как после пропущенного удара в солнечное сплетение, а рот жадно, как рыба, выброшенная на берег, глотал воздух. И вновь этот голос: «Я помогу тебе, Рич Тейлор, ты только приходи... приходи ко мне, и я помогу твоему горю». Он уже собрал все силы, чтобы отправить ответить голосу, но вновь:

– Брат.

Итан был тем, кто отобрал меч у самурая на добивании врага; тем, кто поставил под молоток «П»-образную, железную пластину, не дав ему вбить гвоздь; тем, кто поймал бабочку в банку, опередив сачок. Тихий и ослабевший голос, прошептавший: «Брат» переправил заряд Рича с дороги «Отказать голосу», на «Помочь Итану – пойти на кладбище».

Так и оставив дверь открытой, Рич спустился на первый этаж, тихо как ниндзя в фильмах, прошёл возле кухни по коридору к шкафу. В верхнем ящике, он достал пачку спичек, пробежался рукой: нащупал запасные ключи от гаража, две отвёртки – одна из которых была крестообразной, цепочку и катушку ниток. Задвинув верхний ящик, он открыл нижний: аптечка первой помощи, – и тут же закрыл. Отодвинул нижний, последний ящик, он сразу нашёл то, что было ему нужно, если спички кончатся – фонарик «Varta» чёрного цвета со встроенным аккумулятором. Одев отцовски, охотничье сапоги, он накинул чёрную куртку с широким карманом на груди – достаточно большим, чтобы вместить фонарик размером с литровую банку. Серый

дождевик так и остался висеть на крючке, вместо его он взял водоотталкивающую куртку. Она, конечно, справлялась хуже, но взяв её Рич не вызовет подозрений.

Стоило ему выйти из дому, как дождь набросился на него подобно пираньям на проплывающую мимо рыбу. Рич поздно набросил капюшон и дождь успел смочить его хвостик, который как тряпка ёрзал у него по шее и верхней части спины. Представь он, что это огромная пиявка и грудь бы тотчас выступила вперёд, а тело конвульсивно задёргалось. Но к счастью Рич – не Итан, и заниматься подобным он был не намерен. Но всё же дискомфорт он испытывал вплоть до перекрёстка Джексон– и Уитчем-Стрит, где ему предстояло повернуть направо и протопать мило по голой от асфальта дороги к самому кладбищу.

Ботинки, занимаясь любовью с грязью издавали режущее барабанные перепонки чавканье, которое начинало надоедать на четверти мили. Риччи старался не смотреть по сторонам, а когда всё же ворочал головой, то замечал птиц, сидящих под ветками деревьев, змей клубочком свёрнутых в кустах или висячими, как лианы, на деревьях. «Интересно, удастся ли мне встретить аллигатора» – мелькнул шутка-минутка, на волне «Риччи Тейлор ФМ». Нос и кончики ушей стали ярко-розовыми, практически красными, совсем как у толстых мальчишек, стесняющихся подойти к девушке из-за боязни, что та посмеётся над его грудью, висячей из-под майки.

Только сейчас, когда оставалось метров сто, Риччи ощутил странное чувство, словно чаши весов «Сила духа – Физическая Сила», жалобно качнулась. Тело обрело выносливость, а сила отталкивания ног увеличилась. Однако здравый смысл, тянул его назад, создавая впечатления, будто душа отделяется от тела невидимыми клещами.

«Одумайся, Риччи, это судьба Итана, так решил Бог. Не стоит этого делать, не стоит лезть в природу и мешать мирозданию. Посмотри, что наделали учёные со своими экспериментами» «О чём ты?» – спросил он у неведанного ранее голоса.

Вот только ответил ему уже знакомый.

«Иди ко мне Ричи, я помогу. Тебе нечего бояться»

Головная боль настигла Рича и смех в том, что он знал, что в скором времени подобная херь случится. Остановившись, обхватил лицо и впившись пальцами, потянул руки вниз оставляя тёмные, матовые следы, как после пощёчины. Закашлялся и во время кашля схватил несколько дождевых снарядов, с силой укусивших язык и осколками разлетевшихся во рту. Какая-то из капель задела язычок, из-за чего Рич склонился неполной буквой «С» и закашлялся ещё сильнее. Головная боль прошла, и время, казалось, замедлилось, на долю секунды, в которую он успел услышать протянутый «Кап-КАП-кап-КАП» дождя, бьющего его по затылку капюшона.

Он выпрямился, протёр глаза и осмотрелся. Ворота кладбища, широкие и высокие, покачивались взад-вперёд. Они соединялись замком на коротком тротуаре, обвисшим вокруг прутьев ворот. Забор охватывающий всё кладбище был не меньше трёх метров в высоту, с крышеобразным верхом. Встать на такой в ливень – означало соскользнуть вниз, и тут уже несколько возможных продолжений развития событий (Так видел Рич). Первая и плачевная для мужчины: обе ноги соскальзывают в разные стороны, и он яйцами насаживается на крышеобразный верх. Вторая: Его ноги соскальзывают назад, и Рич ударяется подбородком, после чего падает туда, откуда пришёл. (Откусит язык, трещина на подбородке или перелом шеи). Вариант третий был самым благополучным с одной стороны и не очень – с другой: Рич соскальзывает или прыгает вперёд, но чёрт их знает, как близко расположены памятники к забору; Он мог удариться коленом о могильную плиту и сломать его, как грецкий орех о булыжник. И был ещё четвёртый вариант – самый безопасный, но чертовски сложный: Рич каким-то чудом обхватывает крышеобразный верх забора обеими руками и переваливает тело на обратную сторону. Конечно невелика беда, если он упадёт на землю, превращённую в мягкое месиво.

Решив действовать по четвёртому варианту, Рич подошёл к дереву, растущему вблизи забора; ближе всех, если точнее. Конечно возле забора росло не одно дерево, но они находились достаточно далеко и, если бы Рич решился воспользоваться одним из них, ему бы пришлось прыгать. Загвоздка была одна – возраст дерева, ветки которого толщиной походили на руку взрослого мужчины. «Вряд ли они выдержат» – подумал Рич, и мозг показал Итана лежащего на кровати. Сердце забило сильнее, набирая уровень адреналина и Рич полез на дерево.

К счастью дерево напоминало хаотично растущие палки с листьями, отчего схватиться за какую-либо определённую ветку не составляло труда.

Ухватившись за ветку в двух метрах над землёй, напоминающую рог, он опёрся ногой о ствол. Оттолкнувшись, Рич схватился свободной рукой за более высокую ветку и взвалил своё тело на дерево. Столь небольшой рывок казалось, а лишил больше половины сил. С минуты, Рич восстанавливал дыхание, обдумывая свой дальнейший ход, как в голову вбежала мысль, которую подкинуло подсознание: «А выберешься ты как?». Ответ не заставил себя долго ждать. Холм был виден с дерева, и он возвышался над забором. Теперь Ричу оставалось молиться, чтобы по ту сторону забора была гладкая или не очень поверхность. Отдышавшись, он перебрался на длинную ветку, заканчивающуюся в двух метрах по ту сторону забора. Отличная длина, чтобы выбрать место падения, но вряд ли ветка, а точнее её грузоподъёмность, позволит Ричу поползти до края. Ухватившись руками за ствол, при этом не сбрасывая ног (Дерево было жуть, каким мокрым) он пополз вперёд. Ползти оказалось трудней, чем он предполагал. Ноги то и дело каждые полметра срывались вниз, выбивая Рича из равновесия и вынуждая спрыгнуть. Но силы прибавлялись, и Рич чувствовал, как контроль над телом забирает кто-то иной (голос быть может), кто-то более сильный и сейчас, он просто наблюдает со стороны, как мальчишка в охотничьих сапогах и в чёрной куртке двигается вперёд. «Безумие» – подумал он и коленом нащупал верх забора.

Скинув ноги на забор, он принял позу всадника и плавно, как минёр, работая с бомбой, отпустил ветку, обхватывая руками забор. Перекинув левую ногу, он соскользнул вниз. Из рта вырвался протяжный крик, заглушённый пьющимся о землю ливнем. С силой ударившись о фундамент, ноги сложились вдвое и Рич упал в грязь. Он надеялся избежать падения, но «Войну без потерь не пройти». Он не стал сразу вставать, решил перевести дух, кто знает, что произойдёт в ближайшее время.

Фонарик сломался при падении и Рич об этом совсем скоро узнает, а пока он повернул голову и ужаснулся. Ограда соседней могилы была выполнена из железных прутьев, концы которых заточены под форму пик. Упав он чуть левей и жизнь его закончилась прямо тут, надетым на ограду, подобно свинье на шампуре.

Наверное, он бы полежал ещё, если бы не сухой храп, от которого Рич буквально-таки вскочил. Некий страх, (а у страха глаза велики) шепнул ему, что это тот самый голос, а теперь он спит, как огромный медведь в зимней спячке. Но оглядевшись, Рич заметил похожий на мешок картошки силуэт. Мешок то увеличивающийся, то уменьшающийся. «Оно живое?» – спросил себя Рич и сделал нерешительный шаг, потом другой, третий. Сблизился с мешком и знакомые черты лица: морщинистое, преждевременно состарившееся, с редкими прядями волос, похожими на паутину. Рванная и ещё более грязная одежда, чем при их первой встрече одетая на нём вызвала сочувствие, даже несмотря на их не очень дружелюбную встречу. Старый бродяга лежал под слабо выступающей крышей сарайчика и дождь, каким-то чудом не мог достать его. Капли стекали с крыши и падали в нескольких сантиметрах от его раздутого носа. «Не вздумай» – вспомнил он его слова, а заодно и голос: хриплый и старческий, но полный сил, как у великих ораторов.

Будить его Рич естественно не стал. Поднял голову, нашёл взглядом холм и двинулся к нему. В голове, назойливой пчелой жужжал вопрос: «И что дальше? Что чёрт поberi дальше?»

Что мне делать, когда я подойду к холму». И ответ прозвучал, тот же, что и всегда: «Ты придёшь ко мне Риччи и я помогу».

Огромная насыпь именуемая Курганом была больше, чем ему казалось. «А может она просто увеличилась? – подумал Рич, поднимая голову ввысь. – Ну не могла же она быть с десяток метров». И пока он думал, вновь появился тот самый запах: затхлый и тухлый. Но веяло уже не гнилыми листьями, а чем-то другим, но тоже гнилым... плотью, сыростью и чем-то опять же предостерегающим. Листва, укрывшая Курган заметно почернела, словно чума приложила свою руку. Трава здесь никогда не росла, а земля была всегда влажной и рыхлой, как у только что выкопанной могилы.

«Сюда, – прошипел голос. – забирайся на Курган. Иди ко мне, Рич Джо Тейлор, и я помогу»

Первый шаг был неуверенным, словно это было ещё воля Рича, но последующие дались легко. Земля скатывалась под ногами, но не проваливалась, как это должно было быть, при нынешней влажности. Листва липла к ботинкам и жадно чавкая отрывалась и (Чудо, что Рич этого не видел) возвращалась на своё место. Тело не дрожало, но горело в жарком пламени, а пот скапливаясь на теле передавался в одежду, делая её липкой и влажной изнутри. Последний шаг, как и первый, на удивление Рича, дался ему с тем же трудом (Последняя песнь духа, о помощи мне, я прошу). Мышцы, кажись, отдали всю накопленную за день мощь, и Рич возвысился над Курганом, как американский космонавт с флагом в руке на поверхности луны.

– Что дальше? – спросил он вслух? – Я подня-я...а-а-а.

Земля провалилась под ним и Рич полетел вниз по широкому, выкопанному туннелю, словно это была труба в аквапарке. Крик в скором времени прекратился и виной тому стала земля, обсыпавшийся следом за ним. Падая долго, минуты две, как ему казалось.

Туннель извивался в разные стороны: влево, вправо и даже вверх и вниз. Неведомая сила, схватившая Рича за ногу, тащила его к себе, помогая преодолеть странный маршрут, напоминающий гоночную трассу «Нюрбургринг». Теснота исчезла – туннель закончился и Рич вылетел КУДА-ТО, – и гравитация подхватила его, плавно опустив на землю.

Он закрыл глаза, открыл, ещё раз закрыл и открыл. Ничего. Кромешная тьма, ни единого светлого места, лишь мрак окутывающий его. Поднялся Рич, на своё удивление, без боли, достал из кармана фонарик и попытался его включить. Лампочка даже не мелькнула, только звук щёлчка «щёлк, щёлк, щёлк». Отбросив ненужную вещь, он забросил руку в карман и достал спички. Коробок был полон и, что самое главное, сух. «Чирк-чирк-чирк», и спичка зажглась, осветив тусклым светом призрачное лицо Рича.

Всё тело вздрогнуло, а пальца чуть было не разжались, когда Рич заметил стены из людских костей и черепов. Тихий, протяжный стон вырвался у Рича, когда из глаза в черепе выглянула волосатая лапка, медленно-так, по-хозяйски. Чёрный, паук (Пауки, остальных Рич не видел) выполз из своего логова и застучал жвалами, смотря в лицо жертве. Стук жвал, сменился голосом, тем самым голосом:

«Иди ко мне Рич Джо Тейлор, ступай дальше и я помогу».

«Я боюсь пауков» – только подумал он, как паук (Пауки) вернулся в своё логово, во мрак.

«Иди ко мне Рич Джо Тейлор, ступай дальше и я помогу».

Подобная обстановка уже не вызывала доверия и надежды на какую-то помощь, но Рич продолжал идти. Со временем запах гнили, как и все прочие, исчез, словно обоняние покинуло Рича. Теперь остались только слух, ловающий топот охотничьих ботинок, и глаза в страхе бегающие по... (чём?) ... катакомбах. Мозг практически отключился, впал в кому, но всё же здоровые вопросы, помимо «Где я?», проскакивали. Одним из таких вопросов, Рич заинтересовался сразу, как только приземлился: «На сколько метров под землю я упал?». Точный ответ, он дать не мог, из-за того, что падал он не только вниз, но и вверх и в стороны.

Первой остановкой, случившейся раньше времени, стало раздвоение маршрута. И не просто раздвоение, а зеркальное раздвоение. Всё казалось таким... настоящим... одинаковым... страшным... Рич не знал куда идти и уже двинулся влево, как стая летучих мышей ринулась вправо, испугав его до смерти. Чёрная туча, задула спичку, тем самым заставив Рича черкануть новой, двадцатой спичкой. И лучше бы он это сделал чуть позже. Паук, размером с коробку из-под бананов, прополз вправо, вслед за чёрным облаком летучих мышей. Его жвала отбивали некую мелодию... «Азбуку Морзе» – решил Рич и тут же признал свою догадку безумной. «За пауком точно не пойду. – Решил он и вернулся к исходному маршруту. – Летучие мыши, пожалуйста, змеи – ради Бога, аллигатор – хрен с ним. Да за кем угодно, но только не за этими лохматыми членистоногими».

Спичка уже догорала, однако за те несколько секунд, он изменил своё решение. Чёрная, как облако летучих мышей, волна пауков (Меньше конечно, чем тот, размером с коробку) надвигалась с левой стороны и – Рич обернулся, – сзади. Спичка обожгла пальцы, и он выронил её. Достал другую, зажёл и спиной попятился вправо, вслед за стаей летучих мышей и пауком-коробкой-гигантом. Волны пауков преследовали его, но держали расстояние, словно играли с добычей или... Вели его к паучьей матке??? И тут Рич с ужасом на лице, обернулся и начал падать, зацепившись за что-то твёрдое. «Пусть это будет не паук» – молил он себя, как вдруг в пещере раздался грохот ломающихся костей. Опёршись на локти, он приподнял тело и бросил взгляд на чёрную волну. Пауки исчезли.

Рич не сразу понял, что свечение излучает не спичка, которая уже потухла, а горевшие позади него факела. Эти факела горят уже долгое время и сказать сколько тысяч лет, никто в серьёз не возьмётся. Чёрный огонь с бушующими языками пламени белого оттенка освещал пещеру, как лунный свет. Горы гостей, человеческих и не только, наваленные друг на друга были раскиданы по всей площади. Первая мысль, посетившая голову Рича, была криком страха в его душе: «Людоед? Паук Людоед? Нет-нет-нет, я не хочу подохнуть от этой твари» (Ладно, на самом деле первая мысль была такой: «Это что за этакая хрень тут творится»). Но это скорей была мысль каждого вошедшего сюда впервой, а не его собственная).

Решиться идти назад, он не мог (Мысли о пауках пугали его) и он вошёл в глубь, стараясь не наступать на кости умерших (Или убитых). В центре, среди черепов, разложенных челюстями во внутрь, лежал каменная скрижаль с нацарапанными на ней символами: кругами, крестиками, треугольниками, линиями горизонтальными, линиями вертикальными и прочими. Он подошёл поближе и присел над скрижалю. Символы неожиданно вспыхнули – Рич подался назад и упал на один из черепов, – тем же чёрным огнём с белыми языками пламени, как факела. Символы начали менять форму и уже секунду спустя, там были английские буквы. И не просто буквы, а слова, образовавшие предложения. Каким-то невероятным образом скрижаль сменила язык, подстроившись под вошедшего в пещеру... храм... чтобы это ни было (Пускай будет пещера. Звучит лучше, чем паучье логово, согласитесь).

Рич подался вперёд, подняв задницу раздавившую череп, и повис над скрижалю. Бегая взглядом и игнорирую застывшую на углах камня кровь, он прочёл надпись: «Дотронувшись до меня, Рич Джо Тейлор, ты поймёшь то, чего не дано понять большинству. Я смогу помочь вместе с тобой. Но прежде дотронься ко мне».

Рич протянул руку, отбросив неуверенность мыслями о Итане, лежащим в постели и умирающим. Ладонь, накрыла скрижаль, и та вспыхнула чёрным пламенем. Рич попытался закричать, но всё вокруг закружилось, и он совершил скачок в прошлое.

Рича выбросило, как мешок с мусором посреди какой-то индейской деревушки. «Луизиана до прихода европейцев» – догадался он, осматривая шатры. Вокруг лагеря цвёл густой лес, где-то в дали журчала река, но звук костра, горящего под Ричем, слышался значительно чётче. С минуту, он смотрел под себя, на пламя, охватывающее его, но не причиняющее боли, а потом услышал голоса.

– Миктлантекутли поможет ему! – говорил мужчина, вышедший из шатра. Шатёр был в три метра высотой и столько же в диаметре. Различные узоры красных и синих цветов, украшали ткань шатра, выделяя его на фоне других.

– Вемэтин, не стоит, – откликнулась девушка, выбежавшая следом за мужчиной. Она обхватила его за торс, упёрлась ногами в землю и попыталась остановить мужчину. Но тот был слишком мускулист и огромен, чтобы девчонка смогла его сдвинуть. – Эта его судьба, судьба Ашкий, нельзя вмешиваться в судьбу. Это...

– Судьба моего брата стать вождём, а не умереть от болезни, – он раздвинул руки девушки и обнял её. – Я должен ему помочь, должен помочь брату.

– Вемэтин, п-пожалуйста, – плача просила она, – тебе не стоит этого делать. Мы – я и ты, наша мать и отец, наши предки, все мы встретимся в другом мире. Этот мир лишь дорога к нему, п-пожалуйста одумайся.

– Венона, я принял решение, – он отстранился от сестры, посмотрел в её заплаканные глаза и тыльной стороной пальцев вытер слёзы. – Когда я вернусь, Ашкий и ты, встретите меня.

И вырвавшись из объятий сестры он побежал в сторону Рича. Перепрыгнув костёр, пройдя сквозь Рича, он вскочил на лошадь и помчался в глубь леса. Белый силуэт лошади и всадника, в скором времени исчез в гуще леса, и лишь стук копыт эхом отдавался откуда-то издали.

– Судьба, – Рич повернулся в сторону звука, к Веноне стоящая на коленях возле шатра. – едина для всех, Вемэтин, а ты...

Очередной толчок и Рича выкинуло в пещеру. Он стоял в груде костей, а перед ним Вемэтин, измазанный кровью и грязью. В руках он держал нож и возвышался над кем-то или чем-то. Медленными шагами, будучи не уверенным в собственном желании увидеть, Рич обошёл индейца и нашёл расчленённую лошадь, валяющуюся в груде костей. Отрубленная голова, лежала среди людских черепов с остекленевшими от боли глазами, торс среди человеческих рёбер, а ноги рядом с бёдрами и кистями рук скелетов. Рич в ужасе поднял глаз, чтобы посмотреть в лицо этому... этому извергну, но вздрогнул, заметив слёзы, сочащиеся по щекам.

– Зачем ты это сделал? – спросил Рич, но не услышал ответа.

Вемэтин упал на колени, схватился руками за голову и завыл, как волк или койот. После он повалился на бок, сжался клубочком и зарыдал. Мольбы прощения, как понял Рич, вылетали из его рта, полного слюны и соплей.

– Брат, простишь ли ты меня за содеянное?

И вновь толчок. Рич снова в лагере, уже возле палаты.

– Что ты наделал, Вемэтин! – кричал мужчина, слишком похожий на Вемэтина, чтобы не быть его братом. – Зачем, зачем ты это сделал?

Вемэтин упал на колени перед Ашкий и охватил его торс.

– Я не хотел терять тебя, брат, – говорил он со слезами на глазах. – Хотел, чтобы мы были вместе... хотел, чтобы ты стал вождём! Я бы не смог...

– Что ж, – заговорил Ашкий оттолкнув брата так сильно, что тот повалился на спину. – В одном ты был прав, брат. Я стану вождём, но вместе мы не будем. Я изгоняю тебя из племени за...

Но услышать из-за чего Рич так и не смог. Луизианский леса, шатры, люди, всё слилось воедино, перемешалось, и начало вращаться, как чёртовый вентилятор, вызывая тошноту и рвоту. Рича выбросило в пещеру (Он просто упал) и, грохнувшись на черепа, он влетел в гору костей. Боль была реальной, он почувствовал, как заныл его позвоночник, как кольнуло в плече и как завывала рука.

Перевернувшись на левый бок, он опёрся на локти и с трудом, словно кто-то лежал на нём, поднялся на колено. Лёгкие жадно вбирали воздух, как вдруг дыхание прекратилось, а глаза расширились как у кошки. Паук-коробка-гигант, проползал прямо под Ричем, его жвала

угрожающе стучали, а волосинки на лапах подёргивались. Одна из восьми, ужасных, внушающих ужас лап, коснулась пальцев Рича и он, закрыв глаза, застонал. Паук прошёл под ним, а следом за ним пролетела летучая мышь, с длинными, как у Фенека, ушами и прозрачными крыльями, как у бабочки. Она спикировала над головой Рича, чудь было, не задев его волос и исчезла из виду.

«Что это за чертовщина этакая?» – спросил он сам у себя, а ответил голос, но уже не в его голове, а позади него.

– Ты пришёл ко мне, Рич Джо Тейлор, – голос был безумным, но сильным. – Пришёл ко мне за помощью. – Рич начал было оборачиваться, как голос его предупредил. – Стой, – и он застыл, – я не хочу, чтобы ты визжал, как ребёнок, как это делали многие до тебя. Поэтому приготовься увидеть нечто-то страшное и пугающее. – И голос рассмеялся.

Представляя огромного паука, Рич нехотя (Конечно, кто бы захотел посмотреть страху в лицо?) обернулся. Что-то острое, страх окутанный ужасом, словно игла пронзило его душу, когда он увидел паука-коробку-гиганта, ползающего по сильным ногам, сидящего на кортах... «Человека» – подумал Рич и приподнял глаза ввысь. Это существо и вправду напоминало человека, но лишь до шеи, обвешенной ожерельем из человеческих глаз, точнее до позвоночника, торчащего из спины, и хранящего на себе человеческий череп. Окрашенные в цвет крови челюсти испускали и втягивали в себя синий сгустки дыма, а вокруг верхней части черепа короной торчали перья. На плече сидела та самая летучая мышь, которая чуть было не сделала Риччи лысым, спикировав над его макушкой. В руке, такой же окровавленной, как и челюсти, дремала сова (Глаза её, как выяснил Рич чуть позже, были красные, как челюсти существа).

– Кто ты или что ты? – услышал Рич голос очень похожий на свой. Но никогда бы не поверил, что это спросил именно он, так сильно был уверен, что рот его закрыл на замок страха, ключ от которого утерян где-то там, на поверхности Кургана. – Ты Миктлантекутли?

– Да, я Миктлантекутли, Бог смерти. Бог подземного мира, царства умерших и всякой тому подобной ерунды, – паук заполз ему за спину и больше, до конца разговора, Рич его не видел. – Упустим подробности. Ты... – он протянул свободную от совы руку, указывая пальцем с длинным ногтем на Рича. – Хочешь помочь брату младшему, брату слабейшему, брату любимому.

– Что это было? – Миктлантекутли вопросительно склонил голову. – Когда я дотронулся до плиты, с символами, я... – втянув губы и опустив взгляд, Рич покачал головой.

– О-о-о... – вяло протянул Бог. – Всего лишь обрывки воспоминаний прошлого владельца.

– Владельца?

– День назад ты был менее сговорчив, Рич Джо Тейлор.

Нависла небольшая пауза, неловкая в каком-то смысле для Рича, схватившая его за живое. А ведь правда, Рич, кажется, стал забывать: «Слово-серебро, молчанье-золото». Стал меняться, терять свою стоимость, которую так долго повышал.

– Мне кажется ты пришёл за помощью, а не для разговоров, – продолжил разговор Бог смерти. Сова повернула голову к Ричу и раздвинула шторы век, показывая кровавое свечение глаз. Грудь её казалось, расширилась вдвое и она заговорила, на своём языке: «Угу-угу-угу», а после чего закрыла глаза и отвернулась. – В этой плите... – свободная рука его вспыхнула чёрным пламенем и в ней появился небольшой, прямоугольный камень, толщиной с доску, – ты найдёшь ответы на все интересующие тебя вопросы, Рич Джо Тейлор. Можешь взять её, а мне пора возвращаться... эм... жена ждёт, – и он безумно засмеялся.

– Постой, – задержал его Рич, но руку к плите так и не протянул. – Я не могу взять каменную плиту, с виду которой...

– Примерно семь миллионов лет, – помог он. Челюсть Рича отвисла, но тем не менее он продолжил:

– В общем, эта плита вызовет слишком много подозрений.

– О-о-о... – протянул Бог. – Понимаю вас, людей, хоть вы и становитесь страннее с каждым днём, – плита вспыхнула, ярким, чёрно-белым пламенем и Ричу пришлось закрыть глаза, чтобы не ослепнуть, а когда он их открыл, то в руке Миктлантекутли лежала чёрная книжка, с прямоугольными узорами белого цвета, расплзающимися по всей обложке. Он протянул книгу Ричу и тот ухватился за неё. – Если ты захочешь пообщаться... хотя ты не из таких... – Бог протянуто хмыкнул, почёсывая подбородок, – если тебе нужен будет ответ на волнующий тебя вопрос, ты всегда сможешь спросить меня.

Обложка книги распахнулась и страницы, с немыслимой скоростью начали переворачиваться, вплоть до последней («А не легче было открыть книгу с другой стороны?») – подумал Рич, но мысль эта была мимолётной и не сумела долго задержаться в голове).

Перед глазами Рича возник девственно чистый лист.

– Запомни, Рич Тейлор, ты должен писать только кровью.

– Как-то слишком много крови понадобится, не находишь?

– Лишь капля крови на листке, её должно хватить, – сова и летучая мышь взлетели ввысь и разлетелись в разные стороны: сова на север, мышь на юг. Паук спрыгнул со спины и подполз к Ричу, дыхание того застыло. – Следуй за пауком, он выведет тебя на поверхность, Рич Джо Тейлор, – Бог вспыхнул чёрно-белым пламенем и один из языков перелетел на паука, сделав его неким, передвижным фонариком. «Паук-Коробка-Гигант-Фонарик», – мысленно сказал Рич, не зная смеяться ему или плакать. – Запомнишь маршрут и не придётся спрашивать путь у паука в следующий раз, – эхом пронёсся голос в пещере и жуткий, безумный смех шпагой пронзил барабанные перепонки Рича...

Итан Тейлор

... снившегося Итану. Широко раскрыв глаза, Итан проснулся, едва сумев подавить собственный крик – рот был уже открыт. Первые несколько секунд он чувствовал себя великолепно, для человека подхватившего вирус Марбурга, но после вернулись: слабость, рвота, головная боль и «Струны арфы». Теперь эти струны были натянуты всегда и как на профессиональном инструменте, от одного резкого (И уже не очень резкого) движения Итана начинали причинять боль.

Сейчас, когда боль приползла обратно, начиная с ног и заканчивая головой, Итан лежал, не двигаясь и только грудь его, как воздушный шар, то надувалась, то сдувалась. Он вспоминал сон. Сон был мерзким, страшным и в нём был его брат, паук, сова, летучая мышь и чёрный огонь, с белыми языками пламени, ласково облизывающий мрачные стены пещеры. Чёрный огонь был злым, куда злей Доктора Осьминога или Карнеджа, но он предложил помощь, которую Рич принял. Итан потянулся ко лбу, чтобы постучать себя за плохую мысль и не смог. Мышцы плеча жутко взревели, и рука камнем рухнула на одеяло.

«Как я мог такое подумать про Рича, – едва шевеля губами, говорил он. – Мой брат бы не стал принимать помощь от зла, ведь... – и эффект «Deja vu», пронзил сознание Итана, словно это уже было, только давным-давно, когда ещё Америка была свободна от европейцев. – Чёртов Грипп, ты пока выигрываешь, но я сильнее тебя!». Да, Итан, быть может ты сильнее Гриппа, но ведь ты болен чем-то другим, и ты это понимаешь. И лишь слова матери «Доктор Чарли сказал, что у тебя Грипп, очень сильный Грипп» не давали действительно убить вымысел до конца. Поэтому ты должен спросить её, чем ты болен. Прямо сейчас, когда дверь в твою комнату открылась.

Кэтрин Тейлор с гримом, в виде улыбки на лице, зашла в комнату. На блестящем подносе она несла две тарелки – одна с овощным супом, другая с манной кашей, – и кружку зелёного

чая с лимоном и тремя кубиками сахара. Поставив поднос рядом с постелью, присела возле Итана. Тильной стороной руки дотронулась ко лбу, и погладила сына по белоснежным волосам.

– Что тебе снилось? – ласково спросила она.

Итан помолчал, открыл рот чтобы ответить, закрыл и спустя время собравшись с силами соврал.

– Я видел дедушку, с белыми, как у меня волосами, но у него была ещё борода, – говорил он медленно и каждый вдох занимал огромное количество сил, как прыжок в баскетболе. – А вокруг его головы был круг из яркого золота, – глаза Кэтрин расширились в страхе, а горло с трудом пропустило слюну. – И он сказал, что ты солгала мне и болен я вовсе не Гриппом, а чем-то ужасным... и... он даёт тебе последний шанс сказать это мне самой, или скажет он.

Слово-Серебро.

Она посмотрела на него взглядом загнанного в ловушку зверя. Слезы наворачивались на глазах, но она не могла позволить им появиться. Только не при сыне, только не при ком-то. Но руки, они уже дрожали, а шприц совести уже вошёл ей под кожу. «Скажи сыну правду, ему станет легче» – говорила одна часть подсознания, на что другая отвечала: «Соври, Кэтрин, дай сыну умереть без страха. Дай ему умереть спокойно».

– Мам, – голос Итана вернул её в реальный мир. – Ты точно не хочешь мне ничего сказать?

И возможно, какая-то часть (Часть любящей матери, поклявшейся вечно оберегать сына) была против, буквально крича: «Остановись, не далее этого», – но она не смогла соврать ещё раз.

– Прости меня, Итан, я соврала тебе, – руки её затряслись, сжимая белый фартук, петля которого с силой надела на шею, когда Кэтрин его натянула. – Доктор Чарли, сказал... сказал... ска... – и она разрыдалась, потеряв над собой контроль. Повалилась на одеяло, закрывая лицо фартуком.

«Мама плачет? – спросил себя Итан. – Конечно, балда, все люди плачут!». Ему захотелось обнять её, но он не мог. Барьер из «Струн Арфы» не просто отталкивал Итана, но и сильно бил, подобно забору под высоким напряжением.

– Мам, не плачь, пожалуйста. – Несмотря на боль, Итан присел – мышцы спины завывли тупой, тянущей болью, – и взял мать за руку. – Если не хочешь, можешь не рассказывать, только не плач.

Но она не могла остановиться. Снежок был спущен и теперь, скатываясь с горы он вбирал в себя всё больше снега, превращаясь в огромный ком, несущийся вниз. Этот ком уже было невозможно остановить или сбежать от него, всё что оставалось – встретить его.

– Итан, что ты, – всхлип, – обещал брату?

– Да мам, я знаю, что не сдержал слово, – он кивнул головой и сам уже начинал плакать. – Но, когда я поправлюсь, то выучу эту проклятую математику.

Кэтрин протёрла глаза и, наконец, опустила фартук. Каштановые волосы упали на плечи, частично скрывая покрасневшее от слёз лицо. Их взгляды – её серых и его синих с фиолетовым оттенком глаз, – встретились.

– Нет, Итан, что ты обещал брату, за день до болезни?

Он всхлипнул носом. Слезы начали свою атаку на одеяло и неспешно наступали с двух сторон, сливаясь на подбородке и десантируясь на точку высадки.

– Я обещал не трогать животных, – неуверенно ответил он, словно двоечник давал положительный ответ учителю. – Но погладил мартышку, и...

Образ золотой статуи возник внезапно, словно Итан перенёлся в сон. Он стоял в пирамиде, смотря в красные глаза-сапфиры и всё вдруг начало темнеть, а потом появился алый цвет, как от огромного пламени. Итан закричал и, обернувшись, побежал из пирамиды, а жёлтое пламя продолжало преследовать его, как единственного выжившего на острове.

Итан потерял сознания и погрузился в сон. Дыхание становилось слабым, как в коме. Итан Джо Тейлор умирал.

Глава 4

Рич Тейлор

Прошлой ночью он выбрался из Кургана через паучью нору, в нескольких километрах от кладбища, и сейчас, сидя на уроке, вспоминал всё это, как страшный сон. Рич прислушался к совету Миктлантекутли и запомнил маршрут: северный выход, идти по прямой, пропустив три поворота, повернуть влево, в противоположную сторону, куда указывал скелет, опять по прямой, дважды свернуть вправо и спустя сто шагов, влево – там туннель поднимался ввысь. Но он был обязан признать, что, если бы паук не раскопал тонкий слой грязи, маскирующий выход, он бы никогда не покинул катакомбы кургана.

Вечером, состояние Итана подошло к критическому – об этом ему сообщила мать. Он не стал заходить к брату, прибегнув к одной из любимых поговорок «Время-бесценно, не стоит его тратить в пустую, особенно, когда есть чем заняться». Он закрылся в комнате, полностью погрузившись в книгу, в точности, как и сейчас.

Сидящий позади Генри Баккенс, вёл себя тише, чем неделю назад, но дурацкие словечки и вопросы от него всё же проскакивали. Как случайно выяснил Рич, его ковбой, пригласивший к себе на вечеринку всех желающих, публично оскорбил Викторию Грэйч. Она, конечно, не выделялась по внешности в лучшую сторону: носила брекеты, очки, как у лётчиков второй мировой, волосы, собранные в два пучка, напоминающие ушки и нос у неё был картошкой, большой и круглый. Помимо вышесказанного, как оказалось, Генри не нравятся рыжеволосые девушки, лицо которых, пусть и мило, но всё же осыпано веснушками. «Эй, ржавое чудище, ты что тут забыло? Вечеринка только для людей, так что катись к чёртовой матери, потоскушка» – так вчера высказался Баккенс перехватив микрофон у приглашённого ди-джея. И Виктории Грейч пришлось уйти. Что с ней стало после – никто не знает. Сегодня в школе она не появлялась, но слухи и сплетни про вчерашний вечер гуляют, и гуляют так, как никогда до этого.

На уроке чтения Генри Баккенс вновь проделал один из своих любимых – и не ненавистных для Рича, – трюков. Склонившись над партой, он забросил руку на плечо Рича, застав того врасплох.

– Книжку листаешь... – спросил он и тупость застыла на его лице. Рич сбросил его руку и поспешно спрятал книгу, дарованную ему Миктлантекутли. Сердце у него забилось часто-часто и уже не в груди, а в горле, грозясь выпрыгнуть. «Если он увидел» – промелькнуло в голове Рича, и Генри, весьма удивлённый, поинтересовался. – А ты чего это... – он не знал, как выразиться и несколько секунд помолчал. – Пустую книгу читаешь?

Рич посмотрел на книгу. Прямоугольные узоры перешли в движения, совсем как в игре «Змейка» старого образца, меняя своё местоположения и спустя несколько секунд застыли. Идея – очень рискованная, – лампочкой загорелась в его голове. Он открыл книжку и вернул её на прежнее место, в центр стола. Весьма необычный шрифт уже сам по себе привлекал внимание любого случайно заглянувшего. Однако помимо кровавого цвета написанных от руки – причём очень коряво, – букв, внимание могли вызвать древние настенные рисунки, нанесённые на каждый из листков.

– Чувак, что ты куришь? – спустя время спросил Генри. Глаза его сощурились так сильно, что остались лишь тонкие линии. Похоже он и вправду ничего не видел. – Тут или у меня проблемы со зрением или у тебя с головой, – опять небольшая пауза, спустя которую он буквально выдавил из себя просьбу, прозвучавшую, как приказ. – Дай, гляну поближе.

«Иди на хрен, ковбой, Генри» – Мысленно сказал Рич и удивился собственной грубости, больше чем просьбе Генри. Однако руки, приобрели собственный разум и протянули книгу

ковбою. Тот с жадностью гиены ухватившейся за кусок мяса набросился на книжку. Рич слышал, как позади переворачиваются страницы и то с какой скоростью они переворачиваются.

– Всё-таки, мне кажется это второе, шериф, – генри протянул книгу и Рич с той же, что и ковбой силой, выхватил книгу. – Настоятельно советую тебе сходить к врачам.

– Заткни свою пасть, ковбой, идёт?

Генри улыбнулся.

– Идёт, шериф.

На уроке биологии, Генри уже полностью потерял какой-либо интерес к Ричу и теперь он занимался препарированием лягушки. Впрочем, этим занимались все, кроме Рича, продолжающего нянчиться с книгой.

Рич осмотрел кабинет, тщательно останавливаясь на каждом однокласснике взглядом и, убедившись в занятости каждого, вытащил из рукава иголку с круглым наконечником (Круглый наконечник, Рич сделал вчера вечером, чтобы иголку можно было легко извлекать из пиджака, с внутренней стороны которого он пришил металлическую пластину. Металлическая пластина, конечно, добавляла некоторый дискомфорт в движениях, но ограждала Рича от случайных проколов на коже. Задеть вену или артерию он не хотел в первую очередь.). Пролистав книжку на последнюю страницу – единственную пустую для всех, включая Рича, – он приложил иглу к безымянному пальцу. Резким, надавливающим движением впустил иглу под кожу. Вынул её и поднёс к бумаге.

На наконечнике сочилась кровь, точно чернила на пере.

«Записи в книги вижу только я. Почему?» – написал Рич, ровным, широким почерком.

«Во-первых, – тем же кровавым цветом, как и во всей книге, начал появляться ответ. – Я спал, Рич Джо Тейлор. И во-вторых, ты достаточно умный, чтобы догадаться самому»

«Потому что я владелец?» – написал он строчкой ниже.

«Умничка» – ответила книга.

Рич уже поднёс иглу, чтобы написать, как посреди листа появился улыбающийся череп с перьями, торчащими из него. Чуть ниже появилась приписка: «Улыбаюсь».

«Если кто-то дотронется до Книжки...» – только успел написать Рич, как снизу просочилась кровь.

«Ничего не будет, пока ты жив, Рич Джо Тейлор, – дала поспешный ответ книга и строкой ниже дописала. – Как твой брат? – успел Рич только подумать, как появилась приписка ещё ниже. – Можешь не отвечать, твоей мысли мне достаточно, – ещё ниже. – Так что ты решил, Рич Джо Тейлор?»

Он преподнёс иглу, на крови которой совсем не убавилось (а должно было, после предыдущих надписей. Видимо Миктлантекутли не лгал, говоря, что капли будет достаточно) и написал.

«Решил, что?»

Долгое молчание и Рич хотел было написать свой вопрос ещё раз. Как кривой, разбросанный вверх-вниз почерк ответил.

«О-о-о... Думаю, тебе будет интересней узнать самому, – эта, нижняя строчка, уползла вверх листа, словно титры в кинофильме, стерев все прошлые надписи. Под ней появился череп с широко раскрытыми челюстями от которого шло облачко, такое же кривое, как и буквы. Надпись в облачке: «Ха-ха-ха». Приписка снизу смеюсь. Последующая строчка появилась под черепом, опередив иглу Рича. Надпись гласила: «Страница 6. Открой её, если хочешь помочь брату. Остальное зависит от тебя, РИЧ ДЖО ТЕЙЛОР».

Страницы книги бешено забились друг о другу, и обложка с грохотом захлопнулась. Рядом сидящие с интересом посмотрели на Рича и их челюсти повисли в воздухе. Лягушка, лежавшая на столе Рича, была не тронута, а до конца урока оставалось меньше пяти минут.

Миссис Букмер, разумеется не могла не заметить, что ученики не работают. Эта старая женщина, которую через год ждала пенсия, не поленилась встать и подойти к столу Рича.

Заметив приближения учителя, все вернулись к препарированию, но уши продолжали держать в остро. Вероника Букмер осматривала успехи учеников, по обе стороны, продвигаясь в глубь класса, к лучшему ученику. Она всегда ставила в пример старшего Тейлора, как и многие другие учителя, но сейчас она была в ужасе. Челюсть её, как и у учеников минутой ранее заглянувших на стол Рича, отвисла, брови полезли на лоб, а голос в удивлении задрожал.

– Мистер Т-Тейлор, – заговорила она, не сводя глаз с нетронутой лягушки. – Эта ваша лягушка или... – Её взгляд соскользнул на Генри. Лягушка того была препарирована и всё выглядело в лучшем виде (Если посмотреть со стороны задания. А в плане целостности, то лягушка Рича без сомнений была лучше). – Этот хулиган забрал ваш образец.

– Чё-ё-ё? – выбросил Генри. Лицо его впитало краски возмущённости и ярости. – Я не трогал грёбанное земноводное шерифа.

– Что простите? – палец миссис Букмер потянулся к переносице и поправил очки.

– Я говорю, моя квакша у меня, – он выглянул через плечо Рича и посмотрел на его стол, а потом на самого Рича. – Похоже тебе пиздец, Рич... («Шериф Тейлор» – Хотел закончит Генри).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.